

Е.П. Аквилонov

**О божественности
христианства и о
превосходстве его над
буддизмом и
мохаммеданством**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
Е11

Е.П. Аквилонov
Е11 О божественности христианства и о превосходстве его над буддизмом и мхаммеданством / Е.П. Аквилонov – М.: Книга по Требованию, 2021. – 122 с.

ISBN 978-5-458-25290-4

В своей работе протопресвитер и профессор Евгений Петрович Аквилонov (1861-1911) стремится доказать превосходство христианской религии над буддизмом и магометанством.

ISBN 978-5-458-25290-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ГЛАВА I.

СТР.

1. Предварительныя замѣчанія о происхожденіи разсматриваемыхъ религій.—Предки Будды.—Историческія и миѣніескія свидѣтельства о его рожденіи.— Дѣтскіе и отроческіе годы Будды.—Душевный переворотъ и бѣгство въ уединеніе.—Озареніе аскета.—Побѣда надъ искушителемъ и первая проповѣдь . . .	3
2. Происхожденіе Мохаммеда.—Впечатлѣнія дѣтства.— Путешествіе и женитьба.—Значеніе іудейства и христіанства для склада его религіозныхъ вѣрованій.—Вліяніе на нихъ же эпилепсія „пророка“.—Первыя его неудачи въ распространеніи новой вѣры.—Нѣсколько замѣчаній о нравственныхъ качествахъ Мохаммеда сравнительно съ Буддой.	9
3. „Книга родства І. Христа“.—Его происхожденіе „отъ Духа Свята и Маріи Дѣвы“.—Возгрѣшность Богочеловѣка.—Его дѣтство и отрочество.—Крещеніе отъ Іоанна.—Искушеніе отъ діавола.—Значеніе этихъ событій.—Аналогичность священныхъ повѣствованій въ разсматриваемыхъ религіяхъ и соображенія въ пользу божественности христіанства	14

ГЛАВА II.

1. Буддійское ученіе объ искупленіи.—Уничтоженіе кастъ.—Причины успѣха проповѣди Будды.—Монашество.—Противники Будды.—Буддизмъ и браминство.—Взглядъ на буддійскую этику.	30
2. Мохаммедъ—проповѣдникъ единобожія.—Политическое значеніе его проповѣди.—Геджра, и значеніе этого событія въ жизни Мохаммеда.—Отношеніе Мохаммеда къ христіанству.—Фатализмъ.—Коранъ.—Ученіе объ Аллахѣ.—Средства распространенія ислама.—Послѣдніе дни Мохаммеда.—Заключеніе	35
3. Выступленіе Господа Іисуса на проповѣдь.—Характеристика Его ученія по сравненію съ буддійскимъ и мохаммеданскимъ.—Проповѣдь о царствѣ небесномъ.—Христіанское „обращеніе“.—Искупленіе и его отличіе отъ буддійскаго.—Чудеса Христовы, возраженія противъ чудесъ, отличіе послѣднихъ отъ мусульманскихъ.—Общее заключеніе о разсматриваемыхъ религіяхъ	46

ГЛАВА III.

	СТР.
1. Кончина Будды. — Его обоготвореніе. — Характеристика Будды.—Общественно-государственное значеніе буддизма.—Исторія буддійской „церкви“: соборы, составленіе канона свв. книгъ и монашескихъ правилъ. — Свѣтлые и черные дни буддизма. — Его распространеніе въ Китаѣ и въ Японіи. — Расколы. — Ламаизмъ.—Далай—и богдо—ламы.—Религіозный механизмъ	57
2. Смерть Мохаммеда.—Его внутреннія качества и вѣшній обликъ.—Религіозный фанатизмъ мусульманъ и побѣды ихъ надъ христіанами. — Первые калифы. — Омайяды и Абасиды. — Турки Османлисы. — Паденіе Константинополя. — Эволюція исламскаго вѣроученія.—Реформаторское движеніе въ мусульманскомъ мірѣ и порожденныя реформой секты.—Гаданія о будущемъ ислама. .	67
3. Нѣсколько предварительныхъ замѣчаній о безцѣнномъ значеніи принесенной Христомъ жертвы.—Глубина прародительскаго грѣхопаденія и его тяжкія послѣдствія.—Невозможность „культурнаго“ самоискупленія,—искупленія посредствомъ ангела или какого-либо другого тварнаго существа и потребность въ Искупителѣ-Богочеловѣкѣ.—Вопросъ о причинѣ страданій Искушителя.—Ихъ добровольная неизбѣжность и необыкновенная тяжесть.—Рѣшеніе возраженій противъ Божіи правосудія и страданія Невиннаго за виновныхъ. — Смерть и воскресеніе Христовы. — Заключеніе	82

О божественности христіанства и о превосходствѣ его НАДЪ БУДДИЗМОМЪ И МОХАММЕДАНСТВОМЪ.

ЕСЛИ справедливо положеніе, что вѣщи познаются сравненіемъ, то особенно слѣдуетъ имѣть это въ виду при защитѣ христіанства отъ нападающихъ на него вѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. Казалось бы на первый взглядъ, что, съ развитіемъ просвѣщенія, должно уменьшаться число ихъ, потому что наука проливаетъ духовный свѣтъ, а христіанская вѣра вотъ уже девятнадцать вѣковъ служитъ главнымъ источникомъ этого свѣта, ибо Самъ Божественный Основатель христіанства, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, есть «истинный свѣтъ, просвѣщающій всякаго человѣка, грядущаго въ міръ». Къ сожалѣнію, иное выходитъ на дѣлѣ. Въ то время, какъ одни сѣютъ въ мірѣ сѣмя добра и правды, другіе, подобно приточному «врагу», сѣютъ плевелы всякихъ заблужденій.

Отдѣленные отъ четвертаго вѣка христіанской эры длиннымъ разстояніемъ въ цѣлыхъ пятнадцать вѣковъ, мы, тѣмъ не менѣе, живемъ въ условіяхъ, аналогичныхъ съ условіями того времени. И у насъ, какъ тогда, въ высокой степени возросла религіозная любознательность; многіе, особенно изъ интеллигентовъ, принялись за обсужденіе волнующихъ современное общество религіозныхъ вопросовъ, причемъ нѣкоторые имѣютъ рѣшимость самозмышленные фантазіи выдавать за истинно-христіанское ученіе.

Очарованные выдающимися успѣхами сравнительнаго вѣровѣдѣнія, другіе хотятъ видѣть въ христіанствѣ не богооткровенную религію, а только одну изъ совершенныхъ формъ проявленія религіознаго сознанія. По такому взгляду, лучи религіозной истины изобильно разсыпаны по всему лицу земному, и для спасенія совершенно безразлично, къ какой бы кто ни принадлежалъ вѣрѣ. При этомъ общезвѣстный законъ психи-

ческой жизни, по которому къ чему мы привыкли, то менѣе цѣннымъ, проявляется во всей своей неумолимой строгости. Всѣмъ своимъ духовнымъ величіемъ обязанный христіанству, современный человѣкъ, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ нѣкоторыхъ «просвѣщенныхъ» его представителей, съ черной неблагодарностью относится къ своей благодѣлительницѣ и, мало того, даже, съ завистью оглядывается на «египетскія мяса».

Можетъ быть, пессимистическое настроеніе нашего времени значительно содѣйствовало тому, что апатичный къ жизни *буддизмъ* приобрѣлъ себѣ среди нашего общества довольное число горячихъ приверженцевъ, считающихъ его послѣднимъ словомъ доступной человѣку мудрости, равно и наилучшимъ противоядіемъ отъ мучившей еще древнихъ «скуки жизни». Для многоученаго индифферентиста вопросъ объ отношеніи буддизма къ христіанству можетъ имѣть одно лишь академическое значеніе. Но только не слѣдуетъ забывать, что для другихъ, дорожащихъ истинною вѣрой, какъ родникомъ живой воды, тотъ же вопросъ приобретаетъ, благодаря этому, именно, серьезному отношенію къ вѣрѣ, особенную важность, ибо для стремящихся къ истинной жизни совѣтъ безразлично, гдѣ могутъ они найти послѣднюю. Вѣрвать—значить, прежде всего, *жить*, а потомъ уже и уминовать!

Въ свою очередь и *мохаммеданство*, не смотря на крайнюю запутанность и несамостоятельность своихъ религіозныхъ идей, мирно уживающихся рядомъ съ самыми цѣльными и фантастическими вымыслами, имѣетъ еще довольно смѣлости, чтобы не только защищаться отъ своихъ противниковъ, но, даже, и переходить въ наступленіе. Какъ по географическому положенію, такъ и по своимъ историческимъ судьбамъ намъ, русскимъ, больше всѣхъ другихъ христіанскихъ народовъ суждено считаться съ Мохаммедовой вѣрой. Разумѣется, побѣда за нами; но, прежде чѣмъ мечтать о ней, мы должны хорошенько уразумѣть содержаніе мохаммеданства и опредѣлить его удѣльный по отношенію къ христіанству вѣсъ.

Всѣмъ вышесказаннымъ вполне достаточно мотивируется появленіе на свѣтѣ предлагаемыхъ нашимъ читателямъ статей. Ихъ высокій апологетическій интересъ и практическое значеніе безспорны. Чтобы не ходить въ потемкахъ, гдѣ дѣло касается религіи, и чтобы по достоинству оцѣнить христіанство, необходимо знать, въ чемъ, именно, превосходитъ оно буддизмъ и мохаммеданство. Безпристрастно-научная оцѣнка его, по сравне-

нію съ названными религіями, несомнѣнно покажетъ его недосигаемую высоту и радостно будетъ привѣтствована тѣми, сердца которыхъ ищутъ твердой опоры для оправданія своей вѣры, а умы—доказательства своимъ христіанскимъ убѣжденіямъ.

Мы выражаемъ эти надежды за чужой счетъ, если только намъ не откажутъ въ правѣ отнести съ глубочайшей признательностью къ нашимъ и къ заграничнымъ ученымъ, съ такою пользою потрудившимся въ уясненіи и въ обработкѣ взятаго предмета. Разумѣемъ достопочтенныхъ гг. Ольденберга, Васильева, Бартеlemi-Сентъ-Илера, А. И. Введенскаго, А. Ѳ. Гусева, Саблукова, Шпренгера, Фальке, Неймана, Келлога и другихъ ученыхъ, трудами которыхъ пользовался авторъ печатаемыхъ статей, рѣшившійся подписаться подъ ними своимъ полнымъ именемъ только потому, что нѣкоторыя и подчасъ значительныя измѣненія въ трудахъ поименованныхъ ученыхъ, а особенно въ интересномъ сочиненіи Фальке: «Будда, Магометъ и Христосъ», изъ котораго онъ главнымъ образомъ заимствовалъ содержаніе предлагаемыхъ статей, видоизмѣняя послѣднее прѣимънительно къ русскимъ читателямъ,—ставили его въ невозможность возлагать на другихъ отвѣтственность за тѣ мысли, въ которыхъ они ни вмѣстѣ, ни порознь совсѣмъ неповинны.

По самому существу взятой задачи мы должны исполнять ее подобно тому, какъ напримѣръ, геометръ, проводящій послѣдовательно одна за другою три параллельныхъ линій, то есть по принятому порядку сравнивать буддизмъ, мохаммеданство и христіанство между собою, прпчемъ — разумѣется — мы не можемъ избѣжать сравненія между собою также и основателей трехъ упомянутыхъ религій, отнюдь не желая этимъ неприятно потревожить чье-либо религіозное чувство, а только уступая научной правдѣ, стоящей выше всякихъ подозрѣній и узкихъ партійныхъ взглядовъ.

I.

1. Предварительныя замѣчанія о происхожденіи разсматриваемыхъ религій.—Предки Будды.—Историческія и мнѣніескія свидѣтельства о его рожденіи.—Дѣтскіе и отроческіе годы Будды.—Душевный переворотъ и бѣгство въ уединеніе.—Озареніе аскета.—Побѣда надъ искусителемъ и первая проповѣдь.

На Востокѣ, гдѣ восходитъ солнце и гдѣ блеснула заря всемірной исторіи, родились два великихъ азійца, приписшіе людямъ двѣ міровыхъ религій: Будда изъ племени арійцевъ въ

Индостанѣ и Мохаммедъ изъ племени семитовъ въ Аравіи. Тамъ же, въ Палестинѣ, родился и Спаситель міра Христосъ. Раздѣленные правильными промежутками времени приблизительно въ 500 лѣтъ каждый (Будда за 500 л. до Р. Х., Магометъ въ 571 послѣ Р. Х.), они всѣ трое родились не въ главныхъ городахъ тогдашняго міра, а въ отдаленныхъ неизвѣстныхъ углахъ: въ *Капилавасть*, *Виолеемъ* и *Меккѣ*. Уходя, они оставили за собою длинную лучезарную полосу, изъ вѣка въ вѣкъ принимающую все большіе и большіе размѣры и теперь озаряющую три четверти человѣчества. Съ востока, вмѣстѣ съ солнцемъ, шли ихъ вѣрованія; но буддизмъ такъ и остался на востокѣ¹⁾; исламъ достигъ полудня, и только одно христіанство описало вмѣстѣ съ солнцемъ путь съ востока на западъ и съ запада на востокъ, осягнувъ весь міръ своею благодатью.

Къ сожалѣнію человѣческій родъ забывчивъ, и величайшимъ памятникамъ дать покрыться пылью вѣковъ. Проходитъ время—теряется слѣдъ. Гдѣ тѣ жилища, въ которыхъ родились и выросли эти величайшіе изъ завоевателей міра? Гдѣ города, въ которыхъ стояли ихъ колыбели? Капилаваста исчезла съ лица земли послѣ землетрясенія; древній Виолеемъ въ развалинахъ; Мекка измѣнилась. Мы не знаемъ точно даже года, въ которомъ родились и умерли Будда и Господь Иисусъ, не говоря уже о мѣсяцѣ и часѣ. Личности всѣхъ трехъ религіозныхъ реформаторовъ окутаны точно непрозрачнымъ флеромъ. Подобно утреннему туману, заслоняющему восходящее солнце, благочестивыя легенды²⁾ мѣшаютъ намъ проникнуть взоромъ въ интереснѣйшій періодъ жизни трехъ учителей. Тѣ же легенды вплотную окружили и дамыгѣйшую ихъ жизнь, ихъ слова и дѣянія, такъ что требуется не мало долгаго и тяжелаго труда, чтобы отдѣлать золото исторической истины отъ негоднаго шлака. Жизнь и личность Господа Иисуса Христа, если отбросить въ сторону апокрифъ,—представится намъ, на основаніи Евангелія, палблѣе ясной и неизмѣримо болѣе достоверной по сравненію съ позднѣйшими біографіями такъ называемыхъ «пророковъ». Цѣльная личность Будды, благодаря

¹⁾ Попытка перенести буддизмъ въ Европу, не взирая на изрядное число его исповѣдниковъ, свидѣтельствуетъ о нихъ только, какъ о невѣдущихъ, что они творять. Впрочемъ, объ этомъ ниже.

²⁾ Напримѣръ, у насъ—апокрифическія евангелія, Пилатовы акты и пр.

неудержимому полету индійской фантазіи и отсутствію историческаго чутія у индійскихъ писателей, изображена такъ, что научная критика лишь очень немногое изъ этихъ описаній можетъ признать вполне достовѣрнымъ. Это особенно слѣдуетъ замѣтить въ отношеніи Мохаммеда.

Княжескій сынъ, *Сиддаттха*, впоследствии названный «Буддой», родился около 560 г. до Р. Х. въ м. *Капилавасть*, теперешнемъ селеніи *Удъ*, расположенномъ на южномъ склонѣ Гималаевъ. Онъ происходитъ изъ древняго владѣльческаго рода. Предки его не были, впрочемъ, царями. Это были только знатные и богатые князья, подвергнувшіеся по смерти Будды нападенію со стороны болѣе могущественныхъ кочаловъ. Родителями его были *Суддхадано* и *Мая*, умершая на седьмой день послѣ рожденія сына. Согласно позднѣйшему сказанію, рожденіе великаго человѣка было предвозвѣщено Брамой. Когда Брама рѣшилъ слезти на землю для спасенія людей, то онъ, произведя выборъ своей будущей матери, остановился на Маѣ. Онъ вселился въ нее, проникнувъ въ ея утробу въ видѣ солнечнаго луча. До этого времени она не имѣла дѣтей. Рожденіе Будды сопровождалось различными знаменіями: въ городахъ замѣчалось небесное сіяніе, земля колебалась, слѣпы прозрѣли, хромы стали ходить, глухіе слышать. Новорожденнаго младенца погрузили въ крещальную купель. Громкимъ голосомъ онъ всѣмъ возвѣстилъ свое божественное происхожденіе и близкое искупленіе. Изъ глухой горной пещеры къ нему пришелъ старецъ-отшельникъ и, упавъ передъ нимъ ницъ, сказалъ: «вонистину младенецъ этотъ будетъ высшимъ и совершеннѣйшимъ Буддой, вонистину онъ укажетъ путь спасенія» *Но все это, разумется, данныя апокрифическія.* Исторически достовѣрно только то, что Сиддаттха выросъ, окруженный восточною роскошью княжескаго двора, среди общей распущенности нравовъ. Отецъ выстроилъ ему три дворца, разсчитанные на три времени года,—на время дождей, на жаркое и на холодное время. Здѣсь росъ будущій реформаторъ, проводя время въ роскошныхъ, тѣнистыхъ садахъ, съ прудами, покрытыми цвѣтами лотоса, днемъ блестящими подъ лучами ослѣпительнаго солнца, а вечеромъ издававшими дивное благоуханіе, въ тѣни манговыхъ деревьевъ и раскидистаго тамаринда, между которыми ѣздили на слонахъ. Еще когда онъ былъ юношей, его женили на знатной принцессѣ и преподнесли цѣлый гаремъ красавицъ, отличныхъ танцовщицъ и пѣвицъ.

Но вдругъ почему-то въ душѣ молодого принца произошелъ переворотъ. Ему стало душно. свѣтская жизнь перестала интересоваться его;—и онъ началъ задумываться надъ ничтожествомъ міра.

Какъ произошелъ этотъ переворотъ, чѣмъ онъ былъ обусловленъ, объ этомъ исторія молчитъ. Легенда говоритъ слѣдующее: однажды, когда Будда гулялъ въ своемъ паркѣ, онъ увидѣлъ дряхлаго старика, опиравшагося на посохъ и медленно двигавшагося впередъ. Будда, передъ которымъ до этого времени скрывали всякое горе, крайне удивленный, спросилъ своего возницю Чанно: «что это за удивительное существо»? Чанно отвѣтилъ: «старецъ».—«Развѣ онъ родился такимъ»? продолжать спрашивать князь.—«Нѣтъ, господинъ, раньше онъ былъ такимъ же молодымъ и цвѣтущимъ, какъ ты».—«Много такихъ стариковъ»?—«Очень много, господинъ».—«А какимъ образомъ онъ оказался въ такомъ положеніи»?—«Отъ естественной причины, ибо всѣ люди, въ концѣ концовъ, должны сдѣлаться дряхлыми стариками, разъ они не умерли въ дни своей юности».—«И я, Чанно»?—«И ты, господинъ»...—Случай этотъ настолько разстроилъ молодого принца, что онъ тотчасъ-же вернулся домой. Нѣсколько дней спустя, онъ наткнулся на прокаженного. Чанно опять объяснить ему замѣченное явленіе. Принцъ былъ настолько потрясенъ всѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ, что немедленно отказался отъ всѣхъ утѣхъ жизни и преданъ размышленіямъ о человѣческихъ страданіяхъ. Нѣкоторое время спустя, онъ увидѣлъ на дорогѣ разложившійся трупъ челоѣка. Замѣтивъ его, онъ въ величайшемъ волненіи вернулся домой и воскликнуть: «Горе мнѣ! На что весь блескъ и роскошь,—разъ они не могутъ предохранить отъ старости, болѣзни и смерти! Какъ несчастны люди!! Неужели нѣтъ средства, которое могло бы положить конецъ болѣзнямъ и смерти»? И, вотъ, не успѣвъ онъ кончить этихъ словъ, какъ передъ нимъ появился аскетъ; онъ облаченъ былъ въ желтую одежду; лицо его носило отпечатокъ внутренняго покоя. Аскетъ указалъ Буддѣ, что жизнь—не благо, а зло, отъ котораго нужно бѣжать.

Подъ неотразимымъ вліяніемъ этихъ словъ принцъ рѣшилъ отказаться отъ жены, дѣтей, отъ всякой роскоши и уйти въ пустыню. Въ послѣднюю ночь, проведенную имъ во дворцѣ, его, по обыкновенію, забавляли плясуньи и пѣвицы. Подъ звуки иѣнья онъ заснулъ... Проснувшись черезъ нѣкоторое время, онъ

увидѣть обнаженные тѣла танцовщицъ. Ему показалось, что передъ нимъ поле, усыпанное человѣческими трупами, и что дворецъ его объятъ пламенемъ. «Горе мнѣ, кругомъ меня несчастіе», воскликнулъ онъ въ ужасѣ, «насталъ время идти по большому пути!» Уходя, онъ вспомнилъ о своемъ новорожденномъ сынѣ. «Взгляну еще разъ на него», подумалъ онъ. Слѣдѣя, направился въ спальню жены, спавшей на усыпанномъ цвѣтами ложѣ. Протянутая рука ея покоилась подъ головой ребенка. «Если обниму ребенка—она проснется; когда сдѣлаюсь буддой—вернусь, тогда посмотрю на сына». Сказавъ это, онъ выбѣжалъ на дворъ, гдѣ его ожидала лошадь; на ней княжескій сынъ усакалъ отъ жены и ребенка въ глубокую ночь. вѣроломно покинувъ ихъ на произволъ судьбы,—бѣжалъ, чувствуя омерзѣніе къ бытію съ его удовольствіями. Отвращеніе отъ міра дало первый толчекъ къ превращенію принца въ «будду», оно же и въ слѣдствіи проходило красною нитью черезъ всю жизнь пророка. Но слѣдъ за бѣглецомъ, какъ тѣнь, отправился и его искушитель, чаявшій дожидаться минуты, когда въ душу пророка заползетъ червь сомнѣнія, или въ ней проснется затихнувшая жажда наслажденій. Принцу было 29 лѣтъ, когда онъ вступилъ на новый для него житейскій путь. Теперь для принца наступило время скитальчества, постовъ и поисковъ за душевнымъ покоемъ. Поученіе двухъ браминновъ, утверждавшихъ, что молитва и мистическое углубленіе въ самого себя открываетъ путь къ истинѣ, не удовлетворило скитальца. У браминновъ онъ перенялъ, однако, духъ неспмнзма,—ученіе о переселеніи душъ и нирванѣ. Истязанія, которымъ онъ подвергалъ свое тѣло, также мало удовлетворяли его. Шесть лѣтъ онъ истязалъ себя: пятерыхъ учениковъ привлекли къ нему его подвиги: шесть лѣтъ сидѣлъ онъ съ прижатымъ къ небу языкомъ, «крѣпко держа, крѣпко сжимая и крѣпко терзая свои мысли», но просвѣтленія все не было. Тѣло его превратилось въ скелетъ. Онъ началъ опять ѣсть и пить, за что его покинули ученики, и онъ остался одинъ. Но вотъ, наконецъ, просвѣтленіе нашло на него ночью, когда онъ лежалъ подъ деревомъ познанія бодд (смоковницей) и тщетно ломалъ себѣ голову надъ рѣшеніемъ мучившей его загадки. Внезапное вдохновеніе озарило его и указало ему путь къ освобожденію отъ страданій,—дало ему ядро будущаго ученія ¹⁾).

¹⁾ Подъ просвѣтленіемъ здѣсь не надо понимать ничего чудеснаго

Таково начало буддизма. Полный восторг, *Будда* воскликнулъ: «благодаря познанному и видѣнному, моя душа очистилась отъ грѣховныхъ похотей, освободилась отъ грѣховнаго земнаго существованія, очистилась отъ грѣховныхъ заблужденій и отъ грѣховнаго пезнанія. Въ искупленномъ пробудилось знаніе объ искупленіи, уничтожено возрожденіе, исполнился образецъ святой жизни, соверщенъ долгъ; не вернусь я больше въ міръ. Такъ познать я».

Этотъ поворотный пунктъ въ жизни Будды—фактъ *историческій*. Проведя нѣсколько дней въ глубокихъ размышленіяхъ у подножія священнаго дерева. Будда отправился къ смоковницѣ «айяналя», къ «дереву пастуховъ козъ», гдѣ онъ въ послѣдній разъ подвергся искушенію. Злой духъ, Мара, началъ внушать ему сейчасъ же покончить съ жизнью и погрузиться въ *нирвану*, не возвѣстивъ своего ученія людямъ; если онъ это сдѣлаетъ, то одинъ избѣгнетъ злого духа, а не все человѣчество. Будда началъ колебаться. Представлявшаяся ему впереди, полная страданій и лишеній, жизнь проповѣдника испугала его. «Если я возвѣщу свою вѣру, и меня не поймутъ, то я только устану и измучусь,—думать онъ. — Къ чему вѣщать міру то, что съ трудомъ лишь мнѣ самому удалось достигнуть. Пусть истина скрытой останется отъ злыхъ и обуянныхъ гнѣвомъ. Вещь это трудная, глубокая, простому уму недоступная; видѣть не долженъ ее тотъ, чей разумъ мракомъ окутанъ».

Только послѣ того, какъ самъ Брѣма, упавъ передъ нимъ, сказалъ: «въ странѣ Магада завелась недавно печеть, грѣшниковъ ученіе. Открой, о, мудрецъ, врата вѣчности, повѣдай, безгрѣшный, все, что узнать ты. Кто на верху стоитъ—на верхушкѣ скалы, — чей взоръ народъ, страны обозрѣваетъ? Такъ и ты, о, мудрецъ, возстань и брось безстрастный свой взглядъ на людей, страждущихъ отъ рожденія и лѣтъ. Впередъ, впередъ, побѣдный герой! Пройди весь міръ, безгрѣшный, путей возвѣститель; заговори, владыко! Твои слова понятны будутъ многимъ». Будда рѣшается и говоритъ: «пусть передъ

и мистическаго, вызваннаго сверхъестественными силами, а лишь непосредственное познаніе истины, интуитивное проникновеніе въ сущность вещей, отличающееся отъ интуиціи художественнаго генія лишь по степени, а не по существу, и представляющее собою только высшую степень таковой. Сиддатха теперь сталъ считать себя „буддой“, т. е. „познавшимъ истину“. См. Neumann, Buddhist. Katechismus von Subhadra Bhikschu. 3 Aufl. Braunsch. 1892. s. 16.